

УДК 327

Подходы к пониманию явления «терроризм» и сравнительный анализ его определения в ключевых юрисдикциях мира

Чжан Цзыхао, Д. А. Савкин

Цзыхао Чжан, аспирант департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, zhangzihao0710@hotmail.com

Савкин Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, проректор, директор, Байкальский институт БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, d.savkin@mail.ru

В данной статье авторы анализируют такое важное понятие, как «терроризм», с точки зрения определений в национальных законах и кодексах США, КНР, ЕС и России, а также сравнивают подходы к определению сущности этого явления в работах наиболее цитируемых исследователей терроризма. Национальные политики по противодействию терроризму руководствуются национальными законодательствами, которые, в свою очередь, зависят от доктринальных основ, заложенных в определение терроризма. Авторы применяют в исследовании контент-анализ, сравнительный анализ законодательств и выявляют важные аспекты этих доктринальных основ для приведенных выше государств и анализируют степень детальности трактовки понятия «терроризм» в различных юрисдикциях. Набор национальных практик и накопленный опыт противодействию терроризму, равно как и специфика антитеррористической деятельности в каждой из приведенных стран, накладывают отпечаток на определение явления. Значимость исследования заключается в том, что понимание различий в дефинициях понятия «терроризм» дает более глубокое понимание подходов к борьбе с угрозами террористического характера.

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическая деятельность, дефиниции терроризма, Россия, США, Китай, ЕС.

Поступила в редакцию: 18.05.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

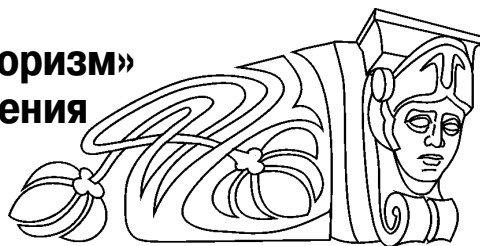
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Approaches to Understanding the Terrorism Phenomenon and a Comparative Analysis of Its Definition in Key Jurisdictions of the World

Zhang Zihao, D. A. Savkin

Zhang Zihao, Higher School of Economics – National Research University, 20 Myasniknaya St., Moscow 101000, Russia, zhangzihao0710@hotmail.com

Dmitry A. Savkin, SPIN-код: 9484–8326, <https://orcid.org/0000-0001-7672-8768>, Baikalsk School of BRICS at Irkutsk National Research Technical University, 83a Lermontova St., Irkutsk 664017, Russia, d.savkin@mail.ru

The authors analyze terrorism from the point of view of definitions in the national jurisdictions of the USA, China, EU, and Russia. They also compare approaches to determine key features of this phenomenon in the papers of the most cited researchers of terrorism. National counterterrorism policies are governed by national laws, which depend on the doctrinal basics of the definition of terrorism. The authors use such methods as content analysis and comparative analysis of legislations to identify important aspects of these doctrinal foundations for USA, China, EU, and Russia. They analyze the degree of detail in the interpretation of the concept of “terrorism” in various jurisdictions. The set of national practices and the experience gained in counterterrorism, as well as the specifics of anti-terrorism activities in each of the countries mentioned, leave an imprint on the definition of the phenomenon. The significance of the study lies in the fact that understanding the differences in the definitions of the concept of “terrorism” provides a deeper understanding of approaches to combating terrorist threats.

Keywords: terrorism, definitions of terrorism, anti-terrorism, combating terrorism, Russia, China, USA, EU.

Received: 18.05.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-342-348>

Стратегии национальной безопасности, антитеррористические политики, законодательства по противодействию терроризму и другие подобные нормативные акты включают в себя для государств, их принимающих, концептуально-нормативные основы внутренней безопасности и применяются как руководство для осуществления контртеррористических операций и международного сотрудничества в области безопасности. В данный момент все страны международного сообщества, особенно ведущие мировые державы, уделяют большое внимание разработке политик по борьбе с терроризмом и исполнению этих официальных документов.

До 2001 г. существовало большое количество контртеррористических политик и несколько комплексных систем защиты, в основном исходивших от великих держав и указывающих на конкретные цели и угрозы безопасности, но эта модель кардинально изменилась после событий 11 сентября. Они внесли неожиданные изменения в ключевые принципы борьбы с терроризмом, включая цели, стратегии, содержание, структуру и др. Для любой страны выработка контртеррористической повестки неизбежно касается особого понимания или национальных

практик борьбы с терроризмом. Они оказывают долгосрочное влияние на национальные исследования в области безопасности и взгляды политических деятелей на терроризм и в конечном счете определяют, как правительства справляются с террористическими угрозами.

Очевидно, что национальные дефиниции, определяющие понятия терроризма, безусловно, будут включать характеристики терроризма и его соответствующие терминологии во всех аспектах, основанные на том, в какой степени та или иная страна пострадала от террористических атак, какие специфические черты они имели, кто их совершал и на какой почве, а также против кого были направлены эти действия.

Действительно, различия между множеством определений, принадлежащих разным ученым или школам, неизбежно отталкиваются от различных типов терроризма, на которых они основывались или на противодействии которым сфокусированы. Представляется важным выявить ключевые дефиниции и осуществленные контртеррористические политики великих держав, проанализировать их и выяснить различия между ними.

Прежде всего, понятие «терроризм» имеет характеристику, синхронизированную с контекстом системы международных отношений. Ключевой фактор в борьбе с терроризмом зависит от того, как это понятие определяется.

Для определения терроризма Дж. Гиббс иллюстрирует, что эмпирическая осуществимость и эффективность должны быть отражены концептуальной основой, которая очевидно логически усиливает причинность и эмпирическую связь с ней. С его позиции определение термина «терроризм» должно было объясняться не дискуссионными и противоречивыми исследованиями в рамках критического мышления и скептицизма, а официальными документами, институционализированными подходами или универсальными законами, которым подчиняются все меры и правила, включающие общие объяснения утверждений и предсказаний в исследованиях международной безопасности¹.

Согласно дефиниции «Словаря международных отношений» Эванса и Ньюхэма, «терроризм» определяется как «применяемое для достижения политических целей насилие, имеющее систематическую основу или обладающее угрожающим характером»². Из этого определения вытекают несколько признаков терроризма: цель, насилие, систематичность. Между тем в этом определении напрямую указывается связь террористической деятельности и политики. Кажется верным, что ключевые слова в концепции, по сути дела, зависят от того, какой характер имеет террористическая деятельность и как терроризм распространяется в идеологическом аспекте.

Т. Бэйди указывает, что основным препятствием для формирования концепции террориз-

ма является предпосылка³. Если в научных исследованиях терроризма попытаться определить предпосылку принятия того или иного определения до четкого формирования понятия, такого как глобальный терроризм или религиозный терроризм, то мера «вольности» трактовки будет высока (например, если предпосылкой является какой-то акт терроризма, оказывающий эмоционально-этический окрас последующему определению).

П. Роджерс перечисляет три основных аспекта для определения сути понятия «терроризм», в которых указывается субъект терроризма – отдельный террорист или организованная террористическая группа, выделяется цель – объект террористической деятельности, также назначение террористической атаки, включая «политический терроризм». Национальный терроризм, отличающийся от негосударственного терроризма, исследователь определяет распространением террора и страха. Роджерс оценивает, что «терроризм» может быть классифицирован как «политический», если в его методах присутствуют принуждение, насилие или мошенничество⁴.

Приведенные выше дефиниции связывают причинность терроризма – его политическую цель – и последствия. В этом поле, по нашему мнению, могут крыться различия между обычным криминальным действием и террористическим актом, государственным терроризмом и индивидуальным террором. Согласно исследователю терроризма А. Кронину, разница между войной и государственным терроризмом состоит в том, что война ведется с соблюдением международных конвенций или резолюций, а государственный терроризм характеризуется выпадением из международных норм и оказывает, помимо всего прочего, длительное психологическое воздействие на общество, что связано с фактором неожиданности⁵. Исследования Кронина в определенной степени определяют концепцию «терроризма» в слиянии политической цели и идеологических факторов. Исследователь полагает, что сложность определения терроризма широко обсуждалась именно из-за субъективности мнения определяющих, а также динамичных общественных изменений. Очевидно, имеется в виду глобальная цифровизация, замена человеческого труда искусственным интеллектом и др.

Нау сквозь призму либеральной парадигмы констатирует, что глобальная война с терроризмом (например, против «Аль-Каиды») отличается от борьбы с терроризмом акцентом на этно-религиозную идентичность и террористические атаки с негосударственными характеристиками, поскольку глобальная война с терроризмом подчеркивает транснациональность террористов и соответствующие характеристики террористических атак. Нау также пишет о целесообразности использования либерального подхода в определении терроризма для локализации международ-

ных противоречий, рассмотрении их как внутригосударственной борьбы политических элит или ущемленных групп населения⁶. Согласно описанию этой либеральной точки зрения, терроризм следует рассматривать как преступление или преступное поведение, а не как акт войны. Между тем террористы и террористические акты должны быть обвинены и осуждены как внутригосударственными, так и международными судами и законами.

Ряд исследователей рассматривают 11 сентября 2001 г. как начало трансформации терроризма. Причинами этих изменений могут быть совокупность религиозных и идеологических факторов, которые зависят от ряда политических и неполитических компонентов. Известная теория «столкновения цивилизаций» С. П. Хантингтона может объяснить причину, по которой изменился характер терроризма: меру столкновения цивилизаций можно разделить на два уровня – микроуровень и макроуровень. Первый предполагает, что конкурирующие соседние этнические группы с заложенными цивилизационными противоречиями будут чаще воевать за контроль над территорией. Макроуровень является более сложным: страны, происходящие из разных цивилизаций, будут не только бороться за территориальный контроль, но и за мировой порядок и доминирование над третьими сторонами. Эти конфликты направлены на то, чтобы форсировать распространение передовых политических практик или уникальных религиозных ценностей, которые позволяют изменить системы других стран⁷. Хантингтон считает, что Запад стремится распространять свои стандарты в качестве универсальных, которые используются для замены первоначальных ценностей других цивилизаций, и настаивает на контроле мирового порядка и международных институтов с помощью военного и экономического роста для устранения угроз со стороны других цивилизаций. Западный блок широко участвует почти во всех международных делах, включая политические, экономические вопросы и вопросы безопасности, большинство из которых находится под контролем Запада, а ключевую ценностную оппозицию Западу представляют исламские государства, поэтому на нынешнем этапе столкновение цивилизаций состоит, главным образом, из конфликтов и противоречий Запада и ислама. Исламский терроризм, очевидно, здесь рассматривается как систематический метод борьбы против навязывания ценностей, инспирированных Западом. И этот метод становится очень популярным у обществ исламских стран, зачастую – бедных, поскольку они винят общества западных государств в использовании своего доминирующего положения в мировом порядке для получения ресурсов и благ глобализации. Террор обывателям из бедных стран с преимущественно исламским населением представляется единственным методом достижения справедливости по отношению к «угнетате-

лям», поскольку в военном, информационном и экономическом планах они проигрывают.

П. Дэвис в своем исследовании анализирует факторы, вызывающие крайнюю, радикализованную и измененную природу современного терроризма, и в то же время дифференцирует несколько террористических групп в соответствии с такими компонентами, как лидерство, идеология, цель и доступ к ресурсам. Он подчеркивает прагматическую, а не хаотическую природу терроризма, поскольку прагматизм призван контролировать идеологию терроризма и тактику действий. Для таких террористических групп, как «Аль-Каида», идеология является ядром религиозного экстремизма, подчеркивающего внутреннюю идентичность⁸.

Г. Фуллер указывает, что иррационализм исламизма может объединить разных недовольных вокруг возможных ответов в форме критики и насилия, порождаемыми незаконными, коррумпированными или авторитарными режимами⁹.

Уиллис и О. Аш-Шахери признают терроризм одной из серьезных угроз безопасности, не имеющей, помимо всего прочего, четкого определения. Они используют модели оценки риска для описания терроризма. Эти модели четко объясняют совокупность нерегулярных последствий, вызванных терроризмом, но не могут предсказать направление, в котором движется терроризм, а также существующие модели риска терроризма не могут предсказать форму будущих террористических угроз¹⁰.

Для понимания связи между дефинициями терроризма и инструментами реализации анти-террористической деятельности представляется важным проанализировать дефиниции понятия «терроризм» в ключевых юрисдикциях мира, столкнувшихся с этой угрозой.

Так, в 18 разделе Кодекса Соединенных Штатов Америки – сводной кодификации федерального законодательства США, издаваемой Управлением по законодательству Палаты представителей, существует ст. 2331, посвященная дефиниции международного терроризма¹¹. Прежде всего, под этим явлением понимается деятельность, сопряженная с насильственными действиями или действиями, опасными для жизни человека, которые являются нарушением уголовного законодательства США или любого штата либо которые были бы уголовным нарушением, если они совершены в пределах юрисдикции Соединенных Штатов или любого штата. В статье отмечается намеренность совершения этих действий и имеющая целью запугивание или принуждение гражданского населения, влияние на государственную политику этими методами, включая массовое уничтожение, убийство или похищение людей.

В параграфе «С» ст. 2331 декларируется, что действия, подразумеваемые под понятием «международный терроризм», происходят, глав-

ным образом, за пределами территориальной юрисдикции США или выходят за пределы национальных границ с точки зрения средств, с помощью которых они совершаются, лиц, которых они, как представляется, намереваются запугать или принуждать, или региона, в котором их исполнители скрываются. Таким образом, в законодательстве США отмечается связанность общественно значимых последствий терактов, которые могут быть совершены на территории Америки, с источниками террористических угроз, находящихся вне территории США.

Под «внутренним терроризмом» США подразумевают деятельность, связанную с деяниями, опасными для жизни человека, нарушающие уголовное законодательство США или любого из штатов, и имеющее тождественные признаки, что и в определении международного терроризма, приведенные выше. Исключением является только то, что общественно значимые последствия терактов и их источник находятся в юрисдикции США.

Для Соединенных Штатов терроризм является приоритетной угрозой, и, согласно официальному веб-ресурсу ФБР, «...защита Соединенных Штатов от террористических атак является приоритетом номер один для ФБР. Бюро тесно сотрудничает со своими партнерами в целях нейтрализации террористических ячеек и боевиков здесь, в Соединенных Штатах, оказания помощи в ликвидации экстремистских сетей по всему миру и прекращении финансирования и других форм поддержки, предоставляемых иностранным террористическим организациям¹². Насилие – это ключевой фактор в определении обоих видов терроризма в США.

Согласно исследованиям Г. Тревертона, разработка и коррекция контртеррористической стратегии США в определенной степени зависят от понимания внешнего облика и характера терроризма. По его мнению, терроризм для правительства США – меньшая угроза, нежели когда-то был СССР, но отсутствие понимания целей тех или иных террористов или групп, их средств вызывает значительно более серьезное общественное беспокойство¹³.

Что касается китайской трактовки понимания явления терроризма, целесообразно отметить, что в октябре 2011 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял «Постановление по вопросам укрепления антитеррористической работы». Восемь статей этого постановления стали важным правовым основанием для осуществления контртеррористической деятельности в Китае. В частности, в нем даются определения «терроризма», «террористической организации» и «террориста»¹⁴.

Но самым важным в контексте концептуализации и кодификации борьбы с терроризмом в Китае представляется Закон «О противодействии терроризму», принятый Всекитайским

советом народных представителей 27 декабря 2015 г. и вступивший в силу в начале 2016 г. Во 2-й статье постулируется тезис о том, что «Государство выступает против всех форм терроризма, запрещает террористические организации, организацию, планирование, подготовку к осуществлению и осуществление террористической деятельности, поощрение терроризма, подстрекательство к осуществлению террористической деятельности, организацию, руководство и участие в террористических организациях»¹⁵. Понятие «терроризм» приведено в ст. 3 и относится к «насилию, разрушениям, запугиванию и другим средствам создания социальной паники, угрозы общественной безопасности, посягательства на личную собственность или принуждения государственных органов и международных организаций к достижению их политических и идеологических целей». Терроризм понимается как «любые мысли, речи и деятельность, которые посредством насилия, подрывных действий или угроз нацелены на создание паники в обществе, оказание влияния на процесс принятия политических решений, порождение межэтнической ненависти, подрыв государственной власти и раскол государства».

При этом «террористическая деятельность», включает в себя следующие направления:

- пропаганду, разжигание и подстрекательство терроризма;
- формирование, руководство или участие в террористической организации;
- организацию, планирование и осуществление терактов;
- поддержку, оказание помощи и содействия террористической организации либо отдельным лицам посредством предоставления им информации, финансов, материалов, оборудования, техники и мест для сбора;
- прочую террористическую активность¹⁶.

Приведенный выше Закон, с одной стороны, однозначно осуждает терроризм во всех его проявлениях, а с другой – дает достаточно расплывчатую трактовку самого этого понятия. В определении ООН, представленном в Проекте всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, приводится исчерпывающий перечень серьезных правонарушений против человека или собственности, которые характеризуют терроризм, а в китайском варианте трактовки терроризма отсутствует перечисление конкретных правонарушений, кроме указания на «насилие, подрывные действия или угрозы». Второй элемент терроризма – непосредственный объект насилия, или цель. В определении ООН к непосредственным объектам террористических атак относятся не только люди, но и собственность – материальные объекты, в то время как в американском определении используется термин «объекты некомпатанты», включающий военнослужащих вне зоны боевых действий и гражд-

данских лиц. С другой стороны, китайское определение не подразумевает конкретного указания на непосредственные объекты. В связи с этим очевидно, что такое толкование ключевых для терроризма понятий «насилие» и «объект» увеличивает амплитуду вольной трактовки исполнительными органами при правоприменении.

Что же касается понимания терроризма в Европейском союзе, важнейшим документом здесь представляется Директива Европарламента и Евросовета «О борьбе с терроризмом» 2017 г.¹⁷. В данном документе «террористические акты» трактуются как одно из наиболее серьезных нарушений гуманистических ценностей человеческого достоинства, свободы, равенства и солидарности и осуществления прав человека и основных свобод, на которых основан Союз. Они также представляют собой одну из ключевых угроз демократии и верховенству права – основополагающим принципам ЕС. ЕС определяет «терроризм» через деятельность, основной характеристикой которой является насилие, приводящее к гибели или серьезному телесному повреждению человека, значительному ущербу собственности. Также вводится понятие «жертва терроризма» по аналогии с «жертвой войны» и предусматривается перечень принципов по защите лиц, относящихся к этой категории. В определении ЕС, к цели терроризма относятся «серьезное запугивание населения» либо «принуждение государства или международной организации к совершению или воздержанию от каких-либо действий», а также «серьезная дестабилизация либо уничтожение основополагающих политических, конституционных, экономических либо социальных структур государства или международной организации». Но, конечно, в документе ЕС есть отсылки к праву регулирования угроз террористического характера национальными законодательствами стран Союза¹⁸.

Что же касается законодательств ключевых стран ЕС, определяющих политику Союза, целесообразно начать с анализа законодательства Франции. Так, ст. L421-1 Уголовного кодекса Франции не различает понятий «нападение» и «террористический акт», но характеризует терроризм как «серьезное и намеренное нарушение закона и порядка»¹⁹. К терроризму во Франции относятся: преднамеренные покушения на жизнь и благополучие людей, похищения и незаконное заключение, угон самолетов, кораблей и любых других транспортных средств; кражи, вымогательство, уничтожение и ущерб, а также преступления, связанные с использованием компьютеров; преступления, связанные с боевыми группами и движениями, которые были расформированы; изготовление или хранение оружия, смертоносного оружия и взрывчатых веществ. Мы видим, что Французская Республика перечисляет перечень преступлений, которые могут

соотносить с терроризмом, однако не различает нападение и террористический акт.

В Германии «терроризм» понимается как действия, совершаемые в политических, религиозных, этнических или идеологических целях, которые способствуют возникновению страха у населения и, таким образом, влияют на правительство или государственный орган. Бундестаг ФРГ в своем заявлении декларирует, что «общепринятого и универсального определения терроризма не может быть найдено, существуют различные точки зрения на это явление. В частности, граница между терминами “терроризм” и “борьба за свободу” часто размыта»²⁰. Согласно второму периодическому отчету Федерального правительства Германии «О безопасности» от 15 ноября 2006 г., терроризм «не является выражением определенной культуры, он изначально является экстремальным политическим оружием. Терроризм – это стратегия борьбы за вызов государству или существующей власти, что вызывает волны солидарности в определенных группах. А целью является не победа, а распространение террора».

В Российской Федерации определение терроризма вводится Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», где терроризм понимается как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»²¹. Также в Законе отдельно дается определение террористической деятельности, под которой понимаются: «организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности». Отдельно вводится определение понятия «террористический акт» как представляющий собой действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, наступления других тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях²².

Не вызывает сомнений то, что российское определение понятия «терроризм» неразрывно связано с политикой РФ по борьбе с терроризмом. В работе О. Оликера отражено, что российское определение термина «терроризм» связано с «идеологией насилия» и «другими незаконными актами насилия». А борьба с терроризмом является ключевой частью стратегии национальной безопасности России; от сложного опыта России и долгой истории противодействия терроризму и угрозам сепаратизма эта политика включает в себя более широкое понимание терроризма, чем понимание других регионов мира²³.

Итак, в США доктринально различается внутренний и международный терроризм. В случае обоих явлений общественно значимые последствия терактов локализируются в Соединенных Штатах, а источники террористических угроз находятся внутри страны и за рубежом соответственно. Насилие – это ключевой фактор в определении обоих видов терроризма в США. В Китае терроризм понимается как «любые мысли, речи и деятельность, которые посредством насилия, подрывных действий или угроз нацелены на создание паники в обществе, оказание влияния на процесс принятия политических решений, порождение межэтнической ненависти, подрыв государственной власти и раскол государства». Тем не менее, понятие терроризма в Китае достаточно расплывчато. В новом антитеррористическом законодательстве Китая впервые в истории страны был законодательно закреплён принцип, позволяющий Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и Народной вооруженной милиции Китая (НВМ) участвовать в антитеррористических миссиях за пределами КНР. Поскольку, как писалось ранее, закон не определяет четких масштабов подобных миссий, китайские ВС получают определенную гибкость при реализации антитеррористических операций. Принятие этого закона привело к кардинальным изменениям в использовании военной силы КНР за рубежом. ЕС определяет «терроризм» через деятельность, основной характеристикой которой является насилие, приводящее к гибели или серьезному телесному повреждению человека, значительному ущербу собственности. Франция не различает понятия «нападение» и «террористический акт», но характеризует терроризм как «серьезное и намеренное нарушение закона и порядка», а в официальных документах ФРГ терроризм определяется как стратегия борьбы за вызов государству или существующей власти, цель которой – не победа, а распространение террора. Для Российской Федерации терроризм – это, прежде всего, идеология насилия и практика воздействия на принятие решения соответствующими властными органами, устрашение населения и т. д.

Очевидно, несмотря на различие в определениях и «вынос» в дефиниции терроризма про-

анализированных в статье юрисдикций важных аспектов борьбы с ним, «насилие» является непреложным атрибутом терроризма во всех национальных определениях и работах по теории терроризма. Дефиниции понятия «терроризм» и принципы, лежащие в основах этих дефиниций, проанализированные выше, говорят о том, что великие державы в значительной степени продемонстрировали свое внимание к террористическим угрозам и приняли меры для законодательного закрепления этого понятия и включения его в стратегии безопасности. П. О'Брайан указывает на скрытую разницу между США и Европой в стратегическом противодействии терроризму: Европа лучше справляется с проблемами безопасности от внутреннего терроризма, появившегося ранее в регионе, и зависит от реализации внутренней политики, направленной на борьбу с террористическими инцидентами как обычными преступлениями с целью остановить рост радикализации и экстремизма; США, напротив, рассматривают большинство угроз как привнесенных извне и включают борьбу с терроризмом в повестку дня внешней политики²⁴. В России и Китае существуют области с гомогенными этническими меньшинствами, которые используют этнорелигиозный терроризм в политических целях, прежде всего сепаратистского характера, соответственно, угрожают территориальной целостности этих государств. Несмотря на более «размытое» определение терроризма в Китае, у него с Россией достаточно похожие подходы в борьбе с данным явлением, что дает возможность тесного двустороннего сотрудничества в этой области и взаимодействия в многосторонних форматах, таких как ШОС.

Примечания

- 1 См.: *Gibbs J. P.* Conceptualization of Terrorism // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54, № 3. P. 329–340.
- 2 См.: *Evans G., Newnham J.* Dictionary of International Relations. L.: Penguin Reference, 1998.
- 3 См.: *Badey T. J.* The Role of Religion in International Terrorism // *Sociological Focus*. 2002. Vol. 35, № 1. P. 81–86.
- 4 См.: *Rogers P.* Global Terrorism // *Cox M., Stokes D.* (eds). *US Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 335–350.
- 5 См.: *Cronin A. K.* Behind the Curve: Globalization and International Terrorism // *Mingst K. A., Snyder J. L.* Essential Readings in World Politics. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2004. P. 367–381.
- 6 См.: *Nau H. R.* Perspectives on International Relations: Power, Institutions and Ideas. Washington, DC: CQ Press, 2007.
- 7 См.: *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // *Mingst K. A., Snyder J. L.* Essential Readings in World Politics. P. 163–169.
- 8 См.: *Comparisons and Implications for Analysis of Strategy* // *Davis P. K., Larson E. V., Haldeman Z., Oguz M.,*

- Rana Ya. Understanding and Influencing Public Support for Insurgency and Terrorism. Santa Monica : RAND Corporation, 2012. P. 151–173.
- ⁹ См.: Fuller G. E. The Future of Political Islam // Mingst K. A., Snyder J. L. Essential Readings in World Politics. P. 173–180.
- ¹⁰ См.: Willis H. H., Al-Shahery O. National Security Perspectives on Terrorism Risk Insurance in the United States. 6 March 2014. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt6wq804.1> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹¹ См.: United States Code, Title 18 – CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE, CHAPTER 113B – TERRORISM, Sec. 2331 – Definitions. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2009-title18/html/USCODE-2009-title18-partI-chap113B-sec2331.htm> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹² См.: Официальный сайт ФБР США. URL: <https://www.fbi.gov/investigate/terrorism> ; URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-3278.html> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹³ См.: Treverton G. F. The Intelligence of Counterterrorism // Jenkins B. M., Godges J. P. The Long Shadow of 9/11 : America's Response to Terrorism. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2011.
- ¹⁴ См.: 1. 全国人大常委会关于加强反恐怖工作有关问题的决定 (Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей по вопросу усиления антитеррористической работы (принято на 23-м заседании 11-го Постоянного комитета ВСНП КНР 31 октября 2011 г.). URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-3278.html> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹⁵ 中华人民共和国反恐怖主义法 (2015年12月27日第十二届全国人民代表大会常务委员会第十八次会议日中华人民共和国主席令第36号公布通过, 自2016年1月1日起施行) (О борьбе с терроризмом : закон П.Р.С. (принят на 18-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР 12-го созыва 27.12.2015, обнародован Указом Представителя КНР от 27 декабря 2015 г. № 36, вступил в силу с 1 января 2016 г.). URL: <http://www.mps.gov.cn> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: DIRECTIVE (EU) 2017/541 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017L0541> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Code des assurances – Article L421-1. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?idArticle=LEGARTI000033460248&cidTexte=LEGITEXT000006073984&dateTexte=20181231> (дата обращения: 15.05.2020).
- ²⁰ Deutscher Bundestag. Terrorismus : Definitionen, Rechtsgrundlagen und Maßnahmen zur Terrorismusbekämpfung URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/414600/88ba85eb1357681569fdea159edc1f3d/WD-3-417-09-pdf-data.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
- ²¹ О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Рос. газ. URL: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 15.05.2020).
- ²² Там же
- ²³ См.: Today's Russia Implications for the United States // Olikier O., Crane K., Schwartz L. H., Yusupov C. Russian Foreign Policy : Sources and Implications. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2009. P. 175–196.
- ²⁴ См.: O'Brien P. The Muslim Question in Europe : Political Controversies and Public Philosophies. Philadelphia : Temple University Press, 2016.

Образец для цитирования:

Цзыхао Чжан, Савкин Д. А. Подходы к пониманию явления «терроризм» и сравнительный анализ его определения в ключевых юрисдикциях мира // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 342–348. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-342-348>

Cite this article as:

Zihao Zhang, Savkin D. A. Approaches to Understanding the Terrorism Phenomenon and a Comparative Analysis of Its Definition in Key Jurisdictions of the World. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 342–348 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-342-348>